

РАЦИОНАЛИЗМ И ЭМПИРИЗМ В ДУХОВНЫХ ИСКАНИЯХ
ГЕРОЕВ ТОЛСТОГО И ДОСТОЕВСКОГО /ЛЕВИН И
РАСКОЛЬНИКОВ/

Валерий Лепяхин

Имена Толстого и Достоевского стоят в заголовке рядом по той лежащей на поверхности причине, что герои писателей ищут ответа на проклятые вопросы, вечные проблемы или, говоря словами Достоевского, "непосильные вопросы", их волнуют "самые беспокойные мысли". В итогах размышлений над этими вопросами и особенно в самом процессе поисков ответа у героев Достоевского и Толстого выявляется много общего, но между ними есть и существенные различия. Они и составляют собственно тему статьи. При этом основное внимание обращается не на содержание духовных исканий героев, а на своеобразную методологию их поисков, рассмотренную через призму рационализма и эмпиризма, разума и чувства. Такой подход обусловлен тем, что "непосильные вопросы" у обоих писателей тесно увязаны с проблемой веры и неверия, а она в свою очередь решается героями в споре рационализма и эмпиризма, разума и чувства. Сказанное справедливо и в отношении самого Толстого /"Исповедь"/, и его героев Безухова, Левина; то же можно сказать о героях Достоевского Иване Карамазове и Раскольникове. Это, конечно, не единственные примеры.

Каков путь нравственных исканий Левина? - Первым переломным моментом в его жизни явилось приближение смерти брата Николая. Оно ускорило крах его детских и юношеских верований и представлений о человеке и жизни. Он понял ясно, "что для всякого человека и для него впереди ничего не было, кроме страдания, смерти и вечного забвения" и впервые задумался над смыслом своего существования. Левин почувствовал необходимость "объяснить свою жизнь так, чтобы она не представлялась злой насмешкой какого-то дьявола, или застрелиться"¹.

---

¹ Л.Н. Толстой. Анна Каренина. М., 1953, стр. 865.

Но Левин не застрелился. Что же спасло его? - Левин продолжает жить, женится и испытывает радость жизни, не ища ответа на свой вопрос. Таким образом, первый стихийный, неосознанный ответ Левина на вставшую перед ним дилемму довольно парадоксален, его можно сформулировать так: "Смысл жизни в том, чтобы о нем не думать". Отдавшись течению жизни, человек может быть счастлив, как был счастлив и доволен герой в первое время после своей женитьбы, "когда не думал о значении своей жизни".

Эта позиция Левина перекликается с описанным позднее в "исповеди" временным этапом в духовном развитии самого Толстого: "Я взгляделся в жизнь прошедших и современных огромных масс людей. И я увидел таких, понявших смысл жизни, умеющих жить и умирать, не двух, трех, десять, а сотни, тысячи, миллионы. И все они бесконечно различные по своему нраву, уму, образованию, положению, все одинаково и совершенно противоположно моему неведению знали смысл жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишения и страдания, жили и умирали, видя в этом не суету, а добро"². Это высказывание - апелляция к опыту человечества, а не к его духовной жизни, к своеобразному общему инстинкту жизни, а не теоретическому пониманию ее смысла.

Однако, между первым этапом размышлений Левина и приведенным высказыванием Толстого существует качественное различие. Для того, чтобы подвести Левина к этой мысли, Толстой проводит своего героя через второй этап духовной эволюции - попытку найти смысл жизни путем отвлеченных размышлений в сфере чистого разума. Левин надолго погружается в книги по философии. В итоге он приходит к выводу, что уяснение смысла жизни логическим путем возможно, хотя разные авторы дают разные ответы; воля ищущего найти среди них близкий себе по духу ответ. Не разочаровавшись в познавательных способностях разума, Левин все же заключает, что принятое разумом решение

---

² Л.Н. Толстой. Собр.соч. в 20 томах, т. 16, М., 1964, стр. 138.

так и остается в сфере рационального, ибо абстрагируется от реальных жизненных отношений, как предмета чувственного познания и фактически отрицает чувственное познание как таковое. Это решение хорошо для умственных целей, а для жизни ничего не дает. И Левин подытоживает этот второй этап своего развития: "Я искал ответа на мой вопрос. А ответа на мой вопрос не могла мне дать мысль, - она несоизмерима с вопросом"³.

С этого момента начинается третий этап поисков и обретения истины. Левин обращается к эмпирической жизни народа. И в уста простого мужика вкладывает Толстой слово, позволившее Левину прозреть. Именно тут Левин высказывает развитую в "Исповеди" мысль: "И я, и миллионы людей, живших века тому назад и живущих теперь, мужики, нищие духом и мудрецы, думавшие и писавшие об этом, своим неясным языком говорящие то же, - все мы согласны в этом одном: для чего надо жить и что хорошо"⁴. Это значит по Левину - жить для бога, для души, для добра.

"Ответ мне дала сама жизнь" - заключает Левин. Это обращение к окружающей жизни, чувство неразрывной связи с ней характерно для многих героев Толстого. Беря своего героя в развитии, в нравственном движении, писатель обуславливает это развитие не только сугубо внутренними потребностями, но и столкновением с жизненными обстоятельствами и их анализом. И, быть может, благодаря тесной связи героев с эмпирической действительностью, с чувственным опытом, в них сильно развиты возможности чувств. Иногда даже чувство, как субъект познания возвышается и отрицает его рациональный уровень как недостаточный или неудовлетворяющий /можно вспомнить взаимопонимание без слов, существовавшее между Пьером и Наташей, Кити и Левиным/.

В этом отношении интересен образ Сергея Ивановича Козышева, который противостоит образу Левина как выражение ра-

---

³ Л.Н. Толстой. Анна Каренина, стр. 865.

⁴ Там же, стр. 863.

ционалистического отношения к жизни. Речь идет, конечно, не о том, что Козньшев лишен вообще эмоциональной жизни, его главная черта в том, что он разграничивает область разума и чувства как автономные сферы, что невозможно для Левина. Область теоретических занятий Козньшева оторвана от жизни, и чувство там не имеет права на существование. В этом Левин видит главный порок всей деятельности брата: "... Сергей Иванович и многие другие деятели для общего блага не сердцем были привлечены к этой любви к общему благу, но умом рассудили, что заниматься этим хорошо, и только поэтому занимались этим".⁵

В этом же направлении пролегает и трещина, разделяющая Левина и Козньшева в их отношении к народу. Сергей Иванович умел беседовать с мужиками "не притворяясь и не ломаясь", но каждая такая беседа нужна была ему лишь как свидетельство своего знания народа, для обоснования и подтверждения своего права выдвигать разумные проекты, направленные на общее благо. Именно это было неприемлемо для Левина, для которого народ, деревня были самой жизнью, местом жизни. Левин чувствовал "какую-то кровную любовь к мужику, всосанную им, как он сам говорил, вероятно, с молоком бабы-кормилицы"⁶. Характерно, что о своей вере, владевшей им до переломного момента, Левин также говорит как о всосанной с молоком, т.е. не как приобретенной рассудочным путем, а как о внутреннем состоянии, основанном на чувстве. И в этом отношении Козньшев является полной противоположностью Левина. И именно поэтому Сергей Иванович несет наказание, причины которого неясны ему самому, но очевидны для Левина. Книга, плод шестилетнего труда, не вызвала никаких серьезных откликов в обществе. Сергей Иванович тяжело переживает свою неудачу, но не находит коренных причин провала книги, для Левина же они ясны, их раскрывает его собственный опыт рационального осмысления жизни, который оказался пророчен. Дело ума должно стать и делом сердца, они вместе должны вести к "общему благу", в противном случае лю-

---

⁵ Там же, стр. 261.

⁶ Там же, стр. 260.

бая деятельность будет бесплодной, как не принесла никаких плодов претендовавшая на вклад в общее благо книга Сергея Ивановича.

Доверие к эмпирической действительности, привлечение ее к поискам ответа на вечные проблемы, постоянная ориентация на нее в повседневной жизни, а также вера в безошибочность и высший смысл чувственного познания или общения на уровне чувства - составляют одну из наиболее ярких и важных особенностей большинства героев Толстого.

Пример Левина в этом отношении особенно нагляден. Расставшись со своими детскими и юношескими верованиями, он посмотрел на жизнь с высот "чистого разума" и, наконец, пришел к истине, открытой ему самой эмпирической жизнью. И эта истина не носит характера логического умозаключения, она воспринимается им на уровне чувства. Приобретенное им - это новое "душевное состояние, прежде никогда им не испытанное". Левин находит успокоение именно в этом состоянии, а не в доводах убежденного рассудка: "Теперь с ним не было того, что бывало при прежних придумываемых успокоениях, когда надо было восстановить весь ход мысли для того, чтобы найти чувство. Теперь напротив, чувство радости и успокоения было живее, чем прежде, а мысль не попевала за чувством"⁷.

В духовной эволюции Левина четко просматриваются несколько этапов: от детских верований в добро, основанных целиком на чувстве, к проверке добра, его необходимости и его последствий на оселке самодовлеющего, отрицающего и веру, и чувство разума, и, наконец, утверждение добра, но не на основе стихийной, "всосанной с молоком" веры, а на фундаменте эмпирической жизни. В то же время вера Левина не носит целиком чувственного характера, она даже противостоит вере детской и юношеской. Толстой провел своего героя через отвлеченные философские поиски и этот этап чисто рационалистических поисков присутствует в снятом виде в ответе Левина на главный вопрос.

---

⁷ Там же, стр. 882.

Толстой оставил своего героя на пороге новой жизни, в новом "не испытанном ранее душевном состоянии", которое должно позволить Левину жить со смыслом. Откликнувшись на линию Левина в романе, Достоевский в "Дневнике писателя" выразил сомнение в окончательности левинского ответа: "... Веру свою он разрушит опять, разрушит сам, долго не продержится: выйдет какой-нибудь новый сучок и разом все рухнет" ⁸.

Поисками смысла жизни и драматизированным до предела ощущением неразрешимости "непосильных вопросов" живут многие герои Достоевского. Они пытаются выстроить логическое здание миропорядка, но оно тут же рассыпается, или они сами разрушают его под напором противоречащих мыслей и чувств.

В этом отношении особенно характерен Раскольников. Между ним и Левиным есть точки соприкосновения. И тот, и другой воспитаны в религиозной вере. И того, и другого эта детская вера со временем перестает удовлетворять. У обоих она теряет религиозный оттенок и перерастает в конечном счете в вопрос о смысле жизни и своем месте в ней.

Но утрата детских верований у Левина и Раскольникова принципиально отличаются друг от друга. Хотя Левин говорит о своем неверии, это не совсем так. Точнее было бы сказать, что Левин, почувствовав непрочность своих детских верований, начал искать им разумных обоснований, не переставая при этом быть верующим человеком. Не случайно для Кити он остается именно верующим. Она это чувствует инстинктивно, основываясь лишь на своей любви к мужу и его поступках: "Какой же он неверующий? С его сердцем, с этим страхом огорчить кого-нибудь даже ребенка! Все для других, ничего для себя" ⁹. И Кити "было все равно", что такое состояние души для Левина "называлось быть неверующим". Таким образом, утрата веры Левиным - это субъективное восприятие им очередного этапа своего развития.

---

⁸ Ф.М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, т. XI, М.-Л., 1929, стр. 210.

⁹ Л.Н. Толстой. Анна Каренина, стр. 853.

Утрата веры Раскольниковым идет гораздо дальше. Она перерастает у него в недовольство жизнью, в неверие в возможность ее изменения путем мелких добрых деяний и поступков. Как и Левин, Раскольников обращается к чисто рациональному ее осмыслению. Тут и намечается коренное расхождение между ними. Левин приходит к мысли о невозможности чисто рационального решения жизненных проблем; Раскольников, недовольный жизнью, превращает ее в полигон для проверки своей идеи, для испытания своего "Я". Если Левин почти безболезненно возвращается к эмпирической жизни, то Раскольников все более удаляется от нее. Это удаление, кризис и постепенный возврат к эмпирии составляет суть его дальнейшей эволюции.

Раскольников хочет утвердить свое место в жизни путем презрения к ней, по сути дела он хочет найти место не в жизни, а над ней. Но освободиться целиком от "низкой" эмпирии Раскольников не в силах. Именно поэтому он восклицает: "О, если бы я был один!" "Живая жизнь" без всяких теорий вторгается в его сознание и, несмотря на отточенность казуистики, с которой он разрешил себе "кровь по совести", заставляет его и мучиться, и сомневаться, указывая на порочность чисто рационального отношения к жизни. Но Раскольников отмахивается от этих указаний. Непосредственно после своего преступления и даже на каотрге он обвиняет в происшедшем не теорию, не свой подход к жизни, а либо слабость своего характера, либо практическую сторону дела. Лишь через полтора года после преступления отношение Раскольникова к жизни начинает меняться. Достоевский выделяет то главное, что способствует "обновлению" Раскольникова - это "знакомство с новой, доселе совершенно неведомою действительностью"¹⁰. Перелом в сознании Раскольникова по мысли Достоевского должен наступить в силу отказа от рационалистического отношения к жизни. В финале романа начинается рационализация совета, данного Раскольникову Порфирием Петровичем: "... Отдайтесь жизни прямо, не рассуждая, не беспокоя -

---

¹⁰ Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в десяти томах, т.5, М., 1957, стр. 574.

тесь, - прямо на берег вынесет и на ноги поставит. А на какой берег? А я почему знаю? Я только верую, что вам еще много жить"¹¹. Так подчеркнут крах рационализма в его оторванном от эмпирической действительности виде.

В этом переходе от рационализма к эмпиризму у Раскольникова решающую роль играет чувство. Уже с первых страниц романа видно, как сквозь все разумные доводы в пользу его теории пробивается у Раскольникова живое чувство. Он сам до конца не верит в то, что сможет убить старуху, восклицая не раз: "Не вытерплю!" Но эти всплески чувства редки и подавляются господствующей в сознании героя идеей. Тут проявилось своеобразие постановки Достоевским вопроса о соотношении разума и чувства. Многие его герои не только понимают, но и чувствуют идею, они охвачены не просто идеей, а "идеей-чувством", "идеей-страстью". Теория Раскольникова замучила его "ум и сердце он, по словам автора, "чувствовал и знал". Но в противоположность Левину у Раскольникова чувство или сердце не выступает субъектом познания. Чувства его направлены внутрь личности, они служат лишь залогом искренности, бескомпромиссности поисков разума. Подчиненное рациональной идее чувство лишь одухотворяет ее, превращает ее в страсть, а в межличностном мире романа, где так велико влияние эмпиризма, от которого бежит Раскольников, чувство срывается с цепи рационализма, на которую посадил его Раскольников и обеспечивает определенную степень взаимопонимания и переключку "равноправных сознаний" /Бахтин/ героев. Именно таким соотношением рационального и эмоционального объясняется захватывающая Раскольникова время от времени тяга к людям и вместе с тем "отвращение ко всякому чужому лицу"¹². Этим же объясняются и два противоположных характера, поочередно сменяющиеся в Раскольникове, на что обращает внимание Разумихин.

Но чувство все же оказалось не окончательно подавленным и подчиненным идее. Хотя сознательных возражений своей теории

---

¹¹ Там же, стр. 479.

¹² Там же, стр. 14, 15, 117, 163, 545, 549-550.

он не находил, совершить преступление сознательно и рассудочно ему не дало чувство. Достоевский многократно подчеркивает, что преступление свое Раскольников совершает "механически", "точно он попал клочком одежды в колесо машины, и оно начало в нее втягивать". Да и сам Раскольников констатирует: "Не рассудок, так бес!".¹³ Но именно в тот момент, когда Раскольников делал шаг от теории к практике, так долго заглушаемое чувство взяло на себя главную роль, и, хотя по признанию Раскольникова ум его померкал временами, чувство, инстинкт жизни вел его, как потом оказалось, безошибочно. Разум оказался способен на создание теории, но от ее реализации он отказался, отключился, передоверив это чувству, которое он подавлял во имя этой же теории. Поэтому Раскольников "предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь"¹⁴. Уже здесь односторонность рационалистического подхода к жизни четко обозначается. Односторонность эта для Раскольникова становится почти очевидной на последних страницах романа, где вместе с новым отношением к жизни у Раскольникова появляется и высвобождающееся из-под власти рассудка чувство. "Он, впрочем, не мог в этот вечер долго и постоянно о чем-нибудь думать, сосредоточиться на чем-нибудь мыслью; да он ничего бы не разрешил теперь сознательно, он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь..."¹⁵.

Итак, Толстой вместе со своим героем приходит к выводу о невозможности разрешения "проклятых вопросов" чисто рационалистическим путем, он приводит Левина к эмпирии и чувству, а затем и к рационально-эмпирическому синтезу, как методологии познания жизни, ее смысла и своего места в ней. Достоевский изобразил такого рода поиски на совмещении рационального и эмоционального элементов, подчинив последнее первому. Левин безболезненно проходит через этап рационалистического осмысления жизни, для Раскольникова

---

¹³ Там же, стр. 77, 79.

¹⁴ Там же, стр. 568.

¹⁵ Там же, стр. 573.

он становится трагедией. Для Толстого порочность голого рационализма не вызывает сомнений и не требует исследования и доказательств. Достоевский весь роман строит на исследовании и опровержении рационализма, как единственного регулятора жизни общества, личной и общественной позиции индивида.

Но было бы неверно заключить, что Толстой и Достоевский сознательно включились в многовековой спор рационализма и эмпиризма. Эти элементы присутствуют в их творчестве как имманентно присущие познанию вообще и художественному познанию в частности, и проделанный краткий анализ не самоцель, он лишь способствует выявлению особенностей сочетания художественных целей и средств их достижения.

Толстой не только ищет ответы на вопросы, но и пытается дать на них позитивные ответы. Поиски его героев на страницах романов всегда обретают некую завершенность. Ответ, пусть и временный, всегда находится.

Достоевский не пытается дать ответ на "непосильные вопросы" /на то они и непосильные/. Он ставит перед собой другую задачу - художественно исследовать идею-страсть, обнажить различные ее проявления в глубинах человеческого духа. Здесь он видит главную проблему для себя как художника, а не в готовых ответах. Поэтому будущее Раскольникова, совпадающее с тем путем, по которому прошел Левин, т.е. возвращение к эмпирии и чувству, как полноправным составляющим бытия, очерчено Достоевским лишь пунктирно, ибо проблема на этом для него кончается. Преобладание рационалистического момента в сознании героев Достоевского выступает таким образом не как мировоззренческая черта самого писателя, а как прием, позволяющий провести такое художественное исследование.